

ВЛАДИЛЕН ЕЛЕОНСКИЙ

Новый Айвенго

РАПИРА СПАСАЕТ

Владилен Елеонский

Новый Айвенго. Рапира спасает

«Издательские решения»

Елеонский В.

Новый Айвенго. Рапира спасает / В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830950-2

Спортсмен-фехтовальщик один встаёт против банды вице-губернатора, которая похитила его невесту, притесняет жителей, он ранен, победить помогают девушка-цыганка, егерь-охотовед, спортсмены-арбалетчики и неожиданно возвратившийся губернатор края.

ISBN 978-5-44-830950-2

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Ляля	12
Глава вторая. Елена	16
Глава третья. Лобанов	21
Глава четвёртая. Первый день	25
Глава пятая. Второй день	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Новый Айвенго
Рапира спасает
Владилен Елеонский**

© Владилен Елеонский, 2016

ISBN 978-5-4483-0950-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Кругом корысть, торг, говор сленга,
Но есть Уилфред, есть Айвенго,
Когда надежда грустно тает,
Его копьё и меч спасают.*

Владилен Елеонский, Айвенго

Не могу сказать, что отец проклял меня. Просто он так трепетно относился к дочери своего лучшего друга-генерала, который трагически погиб в горах Афганистана, что, кажется, меня, своего родного сына, любил намного меньше.

Елена с раннего детства практически постоянно жила у нас. Мы были ровесниками и поначалу дружили, как брат с сестрой, однако, удивительная светлая вспышка, которая озаорила моё сознание, когда она как-то раз вошла в гостиную, собираясь в школу, всё изменила.

Я не знал, что со мной происходит. Я начал стесняться Лену.

Одно лишь её присутствие бросало меня в дрожь. Она вела себя по-прежнему и, как будто, ничего не замечала, наверное, потому, что мне удавалось хорошо скрывать самые сокровенные чувства.

Я усиленно занимался фехтованием, она – художественной гимнастикой. Спорт и книги были нашими общими увлечениями.

Однако Лена всё равно умудрялась читать больше меня. Она, кажется, перелопатила всю классику мировой литературы, в то время как я застрял на романах Фенимора Купера.

Мы говорили о многом, нам было о чём поговорить. Моё сладостное чувство к ней стало более ровным, но глубина и сила его не исчезли.

Я вдруг понял, что вначале надо полюбить себя, причём себя настоящего, способного к чему-то стоящему, а не капризного и избалованного эгоиста, которому хочется, и всё тут.

В то медовое лето мы окончили восьмой класс и отдыхали на отцовской даче. Всё произошло само собой.

В лёгком платьице, накинутом на голое тело, Лена дивно пахла полевыми цветами. Её глаза уносили в неведомый и манящий взрослый мир, а её жаркое тело казалось таким естественным продолжением меня, что я не заметил, как наш затянувшийся разговор о нескончаемых метаниях толстовского Пьера Безухова прервался на полуслове, – наши губы слились в сладком поцелуе.

Однако мой отец внезапно встал на нашем пути. Его угораздило неожиданно приехать на дачу.

Не найдя нас в доме, он, шестым чувством уловив что-то неладное, кинулся к деревенскому пруду, окружённому густыми зарослями черёмухи, и застал наш первый поцелуй, который, судя по всему, был всего лишь прелюдией. Если бы отец явился чуть позже, он бы опоздал.

– Какая любовь! – резко сказал он. – Что, интересно, вы собой представляете, чтобы любить по-настоящему? Сладкая, но призрачная блажь, которая лишь сломает вам жизнь, – вот что на вас нашло! Зубы гниют, между прочим, не от студёной родниковой воды, которую ещё добыть надо, а от тёпленького сахарного сиропа, который, вот он, караулит на каждом шагу нашей доблестной городской жизни и сам в рот просится.

Все планы в отношении меня были мгновенно пересмотрены. Вместо того, чтобы продолжать учёбу в школе, я отправился в Московское суворовское училище. Так решил за меня отец.

Он считал, что теперь мне опасно находиться рядом с Леной. Вот когда я впервые узнал о том, что, оказывается, отец давно вынашивает в отношении неё особые планы.

В бытность, когда существовал Союз Советских Социалистических Республик, мой дорогой папа занимал высокую должность в органах государственной безопасности. Однако наступили лихие перемены, и на смену советскому патриотизму и идее социальной справедливости как-то тихо, но твёрдо пришли цинизм, алчность, продажность и корысть.

Принципиальные офицеры были постепенно заменены на безликих и бесхребетных типов. Отца отправили на почётную пенсию.

Учитывая его должность и кое-какие московские связи, новые власти не стали трогать его дачу, даже позволили прирезать охотничьи угодья, оставшиеся бесхозными после успешно рассыпавшегося образцово-показательного совхоза.

В условиях наступившего обновления, которое старой гвардии казалось сплошным развалом прежних справедливых устоев, отец был уверен, что пришли алчные временщики, долго они не протянут, поэтому скоро всё вернётся на круги своя. Главное не унывать и возвращать новую поросль, – ту элиту, которая сможет продолжить благородное дело.

Отец был глубоко убеждён, что в такой обстановке ни в коем случае нельзя замыкаться, необходимо наращивать связи под видом родственных отношений. Вот почему я никак не подходил на роль мужа Елены. Нужен был такой брак, который бы умножил мощь солидных семей, объединил их, превратил в монолит.

В качестве мужа был выбран Славик Самойлов. Славу я знал, одно время мы вместе ходили в фехтовальную секцию. Его папа был известным партийным функционером, блистал когда-то на Советском Олимпе, оставался верен прежним идеалам, и в среде старой гвардии пользовался непререкаемым авторитетом.

Славик рос богатырём, хотя выглядел немного рыхловато, а вечно одутловатое лицо бугрилось прыщами. Он учился в английской спецшколе, правда, на английском языке так и не заговорил. Жених обожал вкусно есть, много спать, смотрел на Елену, как ленивый молодой бычок на сочный луг, и решительно ей не нравился.

Однако ледяное равнодушие Елены к Вячеславу, похоже, несколько не смущало моего отца. Он, кажется, пребывал в тихом отчаянии от всего происходящего в стране и просто не видел иного решения. Устройство брака Славика и Лены стало для него своего рода психологической отдушиной и даже, как я подозревал, смыслом жизни.

Шли годы, временщики, вместо того, чтобы уйти куда-нибудь, напротив, с удовольствием оставались, они жировали и нагтели всё больше, а вопрос о свадьбе Елены и Вячеслава каждый раз откладывался «на будущую весну», поскольку Лена «была не готова».

Данное обстоятельство чрезвычайно раздражало моего властного отца. С годами его деспотические черты стали проявляться всё больше.

Елена и Вячеслав выбрали одну и ту же специальность, они учились в Московском химико-технологическом институте. После его окончания молодые выпускники вернулись в наш край химиками-технологами и стали работать на оборонном заводе.

Мой отец держал ситуацию под неусыпным контролем и готовил Вячеслава на должность главного инженера, с которой Славику предстояло баллотироваться в депутаты Государственной Думы от коммунистической партии.

Что касается меня, здесь всё было гораздо сложнее. После окончания Суворовского училища, я пошёл не по стезе офицера-десантника, а поступил в физкультурный институт, чем окончательно морально добил отца и не на шутку его разозлил.

Мой выбор не был случайным. Спортивная фехтовальная рапира была частью моего тела и продолжением души.

Поступив в Суворовское училище, я не оставил занятия фехтованием. Вскоре меня заметил начальник училища, человек чуткий и внимательный. Он рекомендовал меня известному спортивному функционеру Василию Львову, который, проявив себя хорошим управленцем, глубоким психологом и внимательным педагогом, успешно готовил олимпийский резерв.

Огромный плечистый улыбчивый Львов, между прочим, сам заслуженный мастер спорта по фехтованию на рапирах, оказался человеком большого сердца. Едва познакомившись со мной, он опытным взором увидел, что моё увлечение рапирой не является детской блажью и отдал в надёжные руки.

Тренеры спортивного общества, которое курировал Львов, очень скоро сделали из меня чемпиона, а сам Львов, о, чудо, баллотировался на выборах губернатора нашего края и победил.

Став нашим губернатором, Львов развил бурную деятельность. Он создавал рабочие места, помогал матерям, детям и пенсионерам, чем вызвал симпатию моего отца, хотя Львов принадлежал к другой партии. В крае стала постепенно восстанавливаться нормальная жизнь.

Между прочим, Львов построил новый современный стадион и организовал при нём сильную фехтовальную секцию. Эх, знал бы он, во что она выродится!

Каким-то необъяснимым образом в фехтовальном спорте почему-то выдвинулись сыновья именно тех, кто не желал использовать производительные возможности земли на благо всех местных жителей, а дары леса, в том числе ценную древесину, взимал за бесценок и окольными путями гнал ласково улыбающимся и восторженным, как дети, китайским партнёрам.

Негласным куратором тайной оппозиции Львову стал вице-губернатор Иван Кторов, человек безвольный, но сластолюбивый, интриган по натуре с целым букетом комплексов. Он готов был делать всё в угоду своему алчному окружению, лишь бы оно продолжало лизать ему пятки, твердить, какой он гениальный, и не замышляло бы растерзать где-нибудь за углом в подворотне.

Губернатор не заметил, как на базе фехтовального спорта выросла мощная бандитская группировка, и настала очередь Львова. Средства, которые он планировал на кардинальное расширение рабочих мест, вдруг закончились, и планы по ускоренному развитию местных предприятий остановились на полпути.

Львов решил добиться помощи из федерального бюджета и убыл в Москву, где был неожиданно арестован по обвинению в растрате краевых средств. Прошёл также слух, что якобы под прикрытием фехтовального общества Львов создал в Москве тайное Братство Двух Вязов, девизом которого стал лозунг «За чистую столицу России!»

Якобы члены братства, все способные спортсмены-фехтовальщики, отлавливали в столице бродяг, после чего те бесследно исчезали. Слух вроде бы был не просто слухом, следствие раздобыло факты и предъявило Львову обвинение, в которое любой здравомыслящий человек, знавший губернатора, вряд ли бы поверил.

Арест Львова был настолько неожидан и нелеп, что все его соратники буквально оцепенели. Кторов, оставшийся на хозяйстве, напротив, воспрянул духом. Он словно почувал, что наступило, наконец, его золотое время.

Сделки с китайскими партнёрами стали заключаться гораздо интенсивнее, а бывшие мальчишки-фехтовальщики теперь превратились в солидных дяденек – владельцев богатых лесных угодий, которые шустрый Кторов, как на конвейере, по мере необходимости, переводил в категорию земель населённых пунктов.

Для поддержания порядка Кторов пригласил из Москвы Владимира Басова. В чёрных спортивных костюмчиках и бейсболках с длинным козырьком люди Басова, все спортсмены-фехтовальщики, привели в ужас местных жителей.

Пастбища и луга стали исчезать за мощными ярко-красными щитовыми заборами высотой чуть ли не в десять метров, а местная скотина, к сожалению, перестала благополучно возвращаться домой.

Все знали, кто ворует скот, но никто даже не думал поднять голос. Любое возмущение каралось беспощадно. Приезжали «фехтовальщики» Басова, как их окрестили несчаст-

ные сельчане, и мгновенно напоминали кто в доме хозяин своими длинными металлическими битами.

Сельские девушки и девочки-старшеклассницы стали бояться выходить на улицу. Басовцы могли схватить любую и увезти в неизвестном направлении.

Девушка либо исчезала навсегда, либо через несколько дней возвращалась домой, подавленная, исхудавшая и угасшая, как видно, всё зависело от того, прошла ли она смотрины, чтобы стать неофициальной сожительницей очередного созревшего для половой жизни бандита.

Те из отцов и братьев, кто не выдерживал наглого произвола и заступался за своих дочерей и сестёр, избивались, иногда до полусмерти. Купленные и запуганные боевиками Кторова врачи констатировали ушибы в результате падения, а продажные полицейские неизменно закрывали глаза на явное несоответствие врачебных выводов фактам и прекращали дело. Те из полицейских и врачей, кто не желал поступаться совестью, безжалостно изгонялись из профессии с ужасающей характеристикой.

Всё произошло настолько плавно, быстро и незаметно, что мой отец первое время никак не мог поверить, что всё, что происходит, происходит на самом деле. Он встрепенулся лишь после того, как охотничьи угодья, законно оформленные на него, были огорожены всё тем же пугающим местное население мощным и очень высоким красным щитовым забором.

Отец обратился в полицию и суд, но ему ничего не вернули. Судья объявил, что согласно закону необходимо следовать предназначению земель. Кторов нагло перевёл земли отца в земли населённого пункта задним числом, после этого их использование в качестве охотничьих угодий было признано судьёй незаконным.

Известный бизнесмен, бывший спортсмен-фехтовальщик Тимофей Фомин, подручный ставленник Кторова, в соответствии с предназначением земель, подтверждённым в судебном порядке, буквально за одну зиму отгрохал на них суперсовременный развлекательный центр «Луч».

В многочисленных банях и бассейнах «Луча» стали париться с голыми девочками какие-то тёмные личности, среди которых, кстати, снова были замечены всё те же жизнерадостные граждане Поднебесной.

В залах нового суперкомплекса были организованы бары, пабы, рестораны и игровые комнаты. Бильярд казался детской забавой на фоне тех игр, которые там предлагались.

Развлекательный центр представлял собой причудливую смесь мощного подпольного казино, махрового злочного места и тайного интеллектуального штаба, решавшего в крае все сколько-нибудь значимые вопросы. Решение вопросов предусматривало силовые методы в отношении тех, кто был не согласен подчиняться указаниям Фомина и Басова, за которыми стоял Кторов, что, впрочем, никогда не афишировалось.

Тима Фомин вёл одиозный развлекательный центр, в то время как Владимир Басов, более молодой и обаятельный, но не менее деятельный, жестокий и хладнокровный подручный Кторова, взимал с населения упомянутую выше дань.

Угнанную басовцами скотину забивали и куда-то сдавали, скорее всего, на местный мясокомбинат, – единственное крупное сельскохозяйственное предприятие края. Понятно, как и откуда шли Басову баснословные барыши. Естественно, что он делился с Кторовым и Фоминым.

Мой отец, как и все местные жители, конечно, догадывался обо всём, но что он мог сделать? Явно не хватало организации. Ресурсы и вооружённая сила были на стороне Кторова.

Единственное, что мог отец, – ускорить свадьбу Елены и Вячеслава. Только так, по его мнению, посредством консолидации вокруг новой молодой семьи можно было сплотить здоровые силы общества.

Однако Славик по-прежнему не вызывал у Елены никаких чувств, кроме раздражения. Мой отец, как писал мне в письмах его лучший друг егерь Сафонов, сильно сдал, поседел и совершенно перестал улыбаться.

Масла в огонь подлили слухи о том, что Басов влюбился. Как-то раз он прибыл на оборонный завод по поручению Кторова, там он заключал очередной хитрый договор о поставке телятины с заведующей столовой, ушедшей бабой из окружения Кторова, она коптилась у него в бухгалтерии, а затем вдруг неизвестно за какие заслуги пошла на повышение, – рулить заводской столовой.

Елену как раз в тот момент дёрнуло зайти к заведующей по вопросу об организации праздничного обеда для начальника лаборатории. Басов увидел идеально сложенную сотрудницу в лёгком приталенном белоснежном халатике, поймал её взгляд, излучавший шарм, которому, кажется, позавидовала бы даже Катрин Денёв, увидел её ноги, способные разбудить поэта-эротомана в любом мужике, – академике-астрономе, слесаре-сантехнике, наладчике автоматических доильных аппаратов или заместителе губернатора, и, что называется, запал.

Жгучая тягучая страсть была выражена настолько недвусмысленно и откровенно, – вскоре на дачу отца, где по-прежнему жила Елена, подручные Басова привезли целый КАМАЗ настоящих свежих очень пахучих роз, – что отец сразу всё понял.

Теперь Елена не могла спокойно прибыть на работу и убыть с работы. Везде её поджидал шикарный чёрный Мерседес, вежливый вышколенный водитель которого вручал ей манящие в мир сладости охапки дивных роз и, не слушая протесты, сажал в автомобиль, включал кондиционер, музыку и вёз туда, куда она желала.

Елена была не настолько глупа, чтобы не понять, что в один прекрасный день, очередной великолепный Мерседес увезёт её туда, куда ей совершенно не нужно, и взяла больничный лист. Врач, друг отца, пошёл навстречу и обнаружил у неё застарелое воспаление среднего уха, требующее срочного и энергичного лечения.

Я не мог поверить, но мой отец, в самом деле, впал в отчаяние. До сих пор он слыл бойцом, да видно стал сказываться возраст. Папа давно разменял седьмой десяток.

Отец никогда не злоупотреблял спиртным, а здесь вдруг произошло что-то невообразимое, – он стал прикладываться к бутылке. Пил, правда, лишь настоящий армянский коньяк, но факт оставался фактом, – мой отец начал пить!

На фоне беспредела, который устроил Кторов по воле своего безликого и алчного окружения доброй новостью показалось известие о том, что на лесных дорогах, ведущих к развлекательному центру «Луч», появились люди в зелёных робах, с зелеными масками на лицах и алыми фригийскими колпаками на головах, перевязанными позолоченными лентами.

Новоявленные борцы за справедливость называли себя Лесными Демонами. Они стали систематически останавливать роскошные автомобили, на которых ехали, предвкушая удовольствие, отнюдь не бедные люди, и беззастенчиво грабили их. Машины они останавливали оригинальным способом – разбивали лобовое стекло металлическими штырями, удивительно метко выпущенными из мощных арбалетов.

Скоро о боевых ребятах пошёл слух. Их смелого предводителя, решившегося пусть на такое, граничащее с криминалом, но всё-таки противостояние Кторову, сельчане мгновенно нарекли Новым Робин Гудом.

Кторов впал в нешуточное раздражение по поводу лесного бандитизма, так он окрестил новое явление на дорогах, и приказал Басову выловить бандитов и «отправить в нежную лазурь», – своеобразное выражение, о смысле которого населению и Лесным Демонам оставалось лишь гадать.

Местные жители, обращаясь к своему неожиданному заступнику, распевали грустную песенку:

– Новаряг, ты, Новаряг, Новый, новый наш варяг, Видишь, сник наш светлый флаг, В жилах страх, и страх в костях!

Обо всём, как я упомянул выше, мне стало известно из писем Сафонова, местного егеря-охотоведа, верного друга отца. В один прекрасный день он прислал письмо, между строк которого я вдруг прочитал отчаянный призыв: «Алексей, срочно приезжай, если тебе, на самом деле, хоть немного дороги отец и Елена!»

Положение, однако, осложнялось тем, что я не мог так просто вернуться. Отец выгнал меня из дома.

Своего папу я знал хорошо. Если он принимал какое-то решение, то раз и навсегда. Тем всегда поражал друзей, коллег и нашу безвременно скончавшуюся маму.

В один из дней Сафонов, как видно, не выдержал. Он позвонил и сообщил, что четвёртого сентября Кторов затеял феерическое празднество на День города, чтобы задобрить местное население и отвлечь людей от мрачных мыслей по поводу мутного положения дел в крае. Намечалось грандиозное соревнование наподобие средневекового ристалища с фехтованием и стрельбой из спортивных арбалетов.

В качестве приза были заявлены какие-то невероятные суммы, однако было одно условие, – экипировку каждый участник должен был покупать на свои деньги у организаторов действия.

Кредитная система у нас, слава Богу, работает неплохо, поэтому из соседних областей, и даже из Москвы и Питера, в столицу нашу доблестного края потянулись спортсмены – искатели лёгких денег, приключений и просто разнообразия на фоне унылой суеты городов.

Девушкам также было найдено занятие. Победитель турнира выбирал Весёлую Принцессу, которая должна была блистать на празднике, после чего ей вручались новенький Роллс-ройс и денежная премия, приближающаяся к числу, состоящему из восьми цифр.

Помимо этого, красавица будет автоматически назначена на должность референта губернатора с каким-то невообразимым окладом, причём в обязанности референта будет входить всего лишь сопровождение Кторова. Весь год, до следующего Дня города, ей придётся сопровождать руководство края на всех официальных общегородских мероприятиях.

Изюминка заключалась в том, что на стадион, где должен был проходить праздничный турнир, в добровольно-принудительном порядке были приглашены сотрудники и сотрудницы всех ведущих предприятий города. Кадровики, все ставленники Кторова, свирепствовали. Отговорки, вроде того, что я плохо себя чувствую или болею, не рассматривались. Все, кто не прибывал на стадион, на следующий день включались в список на увольнение.

Я сразу понял, что здесь не обошлось без интриг со стороны Басова. Таким способом он решил выманить на праздник Елену.

Внезапно у меня созрел кое-какой план. Однако вопрос, как всегда, упирался в финансы.

Глава первая. Ляля

*Её, как Луны, дивны очи,
В них страстные, как ветер, ночи,
А жар от сладостных ланит
Без слов меня благодарит.*

Владилен Елеонский, Айвенго

Все главные соревнования года миновали, а тренерская работа отличалась гибкостью. Мои коллеги взяли на время моих учеников в обмен на подарки, которые я обещал привезти им со своей малой родины – орехи, мёд и всякую всячину.

Времени до Дня Города оставалось не так много, как того хотелось бы, но оно всё же было. Поэтому, покинув Москву, я решил, что прежде всего следует побывать на своих бывших охотничьих угодьях и каким-то образом выйти на Лесных Демонов. Может быть, от них удастся получить помощь?

Я прибыл в знакомые места и двинулся по сосновому лесу. Выглядел я, как заправский турист, в бежевой куртке-ветровке, удобных светлых штанах, коричневых ботинках на огромной ребристой подошве, с алым рюкзаком за плечами и аккуратным длинным цилиндрическим чёрным футляром в руках. По виду он напоминал футляр для спиннинга, но на самом деле хранил мою дорогую рапиру, с которой я прошёл путь от соревнований в Суворовском училище до ответственных чемпионатов.

Без ложной скромности скажу, что в Праге на чемпионате Европы я занял первое место, обойдя, кстати, своего соотечественника, крайне амбициозного и невероятно способного молодого человека. Он бился так страстно, что временами мне казалось, что он хочет меня не победить, а убить, но удача оказалась на моей стороне.

Мой противник не успокоился и подал апелляцию, однако высокая комиссия, внимательно просмотрев видеозапись, подтвердила мою победу. В кулуарах у нас состоялся довольно неприятный разговор.

Высокий парень, косая сажень в плечах, явно нарывался на драку, от него веяло странным холодом, но нас вовремя разнял председатель соревнований, случайно выбежавший из спортивного зала перекусить в буфет. Он умело сгладил шероховатые углы и дипломатично замял скандал.

Мне пришлось изменить внешность. Другого способа возвратиться домой я на тот момент не видел.

Уроки Ивана Шамбы, актёра нашего краевого драматического театра, не прошли даром. Он, добродушный крепыш с пытливыми глазками, даже чем-то похожий по комплекции на папу, был его другом детства.

В славные советские времена, когда отец был на коне, ни одна отцовская вечеринка не обходилась без его деятельного участия. Шамба был тамадой, клоуном и шутом, – всё, как говорится, в одном флаконе, – и именно он первый приобщил меня с малых лет к азам театрального мастерства и сценического фехтования. Позже я увлёкся фехтованием спортивным, но школа Шамбы не исчезла, она была в крови.

Хорошо помня его советы и, как видно, не утратив соответствующие навыки, я легко изменил внешность. По природе утончённый и стройный, с неким шармом в глазах, уж не знаю, на самом деле, каким, но некоторые девочки в классе, вздыхая, почему-то всерьёз сравнивали меня с Аленом Делоном, я имел один существенный недостаток во внешности в полном соответствии со своей фамилией, – бледное лицо и какой-то унылый вид. Видимо, поэтому хулиганы-пацаны из подворотни на нашей улице постоянно кричали мне:

– Эй, ты, Несмеянов, Рыцарь Печального Образа, шагай сюда, мы с тобой такую дуэль на рапирах устроим, что вмиг печаль утолим!

Тогда всё закончилось тем, что, в конце концов, я вверг их в глубокую печаль, когда они как-то раз решили всерьёз подраться со мной на арматурных прутьях, но не об этом сейчас речь.

Теперь, чтобы войти в новый образ, я старался постоянно улыбаться. Отросшая рыжая борода геолога скрывала унылость и бледность, а наклеенные густые брови свисали на глаза, скрывая их от тех, кто в этих краях ещё их помнил.

Парик «под Высоцкого» дополнял мой великолепный портрет и способствовал маскировке, – на кого-кого, но на Владимира Высоцкого я никогда не был похож. Картину довершали огромные очки с затемнёнными стёклами, якобы от солнца, – они надёжно скрывали мои глаза от тех, кто их всё ещё хорошо помнил.

Чтобы изменить голос, я призвал на помощь свой хронический фарингит, которым стал страдать после не очень удачной операции по удалению гланд. Все вечера перед поездкой я пил холодный кефир прямо из холодильника. Сработало, как срабатывало всегда, – мой голос сел до неузнаваемости.

Стояло бабье лето. Я вдыхал сентябрьский смолистый воздух соснового бора и радовался солнцу, которое, как сказочный колобок, прыгало на пушистых развесистых лапах, словно предлагало мне какую-то забавную игру.

Внезапно крик, пробирающий и ввергающий в оторопь, разорвал сладкую тишину великолепного утра. Сосновый лес, за секунду до этого бывший дивным и умиротворяющим, вдруг наполнился паникой и тревогой.

Я остановился, как вкопанный, и прислушался. Крик больше не повторялся, но я был уверен, что он, на самом деле, был, причём кричала девушка.

Мне казалось разумным подойти к своим бывшим угольям скрытно, поэтому я не пошёл по просеке, она осталась в двухстах шагах в стороне. Я шёл по какой-то звериной тропе, петлявшей между сосен.

Внезапно из высоких густых зарослей можжевельника вывалились два плечистых парня, они были одеты в зелёные под цвет можжевельника рубы. Их лица были надёжно скрыты такими же по цвету масками с узкими прорезями для глаз, а на головах красовались алые фригийские колпаки.

Смешанные чувства овладели мной. Я хотел было обрадоваться, что встретил тех, кого искал в здешних лесах, но внезапно раздался сдавленный вопль.

В этот момент один из парней повернулся в мою сторону, и я увидел, что в его руках, как только что пойманная рыба, бьётся симпатичная девушка, причём одной рукой он плотно зажал ей рот. Второй парень нёс пленницу за ноги, так что она не могла ни сопротивляться, ни бежать.

Как видно, парни с пленницей на руках ломались сквозь заросли неслучайно. Здесь, в стороне от просеки, они меньше всего ожидали встретить кого-нибудь.

Я сразу обратил внимание, что девушка очень привлекательна, она напоминала красавицу из какого-то известного индийского фильма, хотя была одета, как наша любая обыкновенная девушка – в светлую свободно ниспадающую блузу и синие потёртые джинсы, которые так великолепно подчёркивали привлекательность её крутых бедер и слегка полноватых, но идеально стройных ног.

Я схватил возникшую передо мной картинку за какие-то доли секунды. В следующий миг я понял, что парни явно перестарались, – девушка, кажется, потеряла сознание.

Если бы не ладонь, которой был грубо зажат её рот, можно было подумать, что незнакомцы спешат, чтобы донести её до машины и увезти быстрее, чтобы успеть оказать медицинскую помощь.

Все сомнения исчезли, когда из можжевельника послышался треснутый стариковский густой бас:

– Оставьте мою внучку, ублюдки! Вы зря связались с цыганом, говорю вам.

Вслед за парнями из зарослей можжевельника вывалился чернобородый темноглазый сухой, поджарый и крепкий на вид старик. Он, в самом деле, был в цыганском наряде, – чёрной широкополой шляпе, алой рубахе, чёрных широких штанах. Его не по годам стройная талия была перетянута широким узорчатым бордовым поясом, а поверх рубахи была наброшена бордовая жилетка с таким же узором, что и на поясе.

Старик попытался ухватить за рукав парня, который был ближе. Тот бросил ноги девушки, в его руке мелькнула металлическая бита. Старик, охнув от боли, присел на одно колено.

– Вы пожалеете, сосунки, да поздно будет.

Парень сунул биту за пояс, снова подхватил ноги девушки, и негодяи двинулись в мою сторону. Я одним привычным движением выхватил из футляра рапиру.

Тот Демон, у которого была бита, заметил меня, небрежно бросил ноги девушки, снова выхватил свою убийственную биту из-за пояса, стремительно ринулся на меня и довольно умело махнул ею так, что загудел воздух. В следующий миг я понял, что удар был двойным и от того весьма коварным. Бита шла мимо, но лишь за тем, чтобы противник невольно отклонился назад и подставил голову под второй возвратный удар, между прочим, практически неуловимый.

Если бы бита всё-таки попала мне в висок, как того очень желал, судя по всему, уважаемый Демон, вряд ли я тогда бы устоял на ногах, более того, я, наверное, больше никогда бы не поднялся.

Я привычно разгадал замысел противника, подался не назад, а вперёд, затем сделал молниеносный выпад. Кончик рапиры попал Демону точно в солнечное сплетение. Боевая рапира, наверняка, убила бы его, но острие моего спортивного оружия было затуплено, поэтому противник лишь потерял сознание. Он рухнул, как подкошенный.

Второй Демон небрежно бросил девушку на ковёр из сухих сосновых иголок, который здесь, под соснами, был, кажется, повсюду, и кинулся ко мне с короткой свинцовой дубинкой в руке, которую он выхватил из-за пазухи своей примечательной зелёной робы.

Когда он приблизился, яростно дыша, что было слышно сквозь его тонкую матерчатую маску, я сделал ложный выпад. Демон махнул своим грозным оружием, намереваясь жёстким ломающим ударом дубины переломить клинок, но острие моей рапиры, описав в воздухе крутую восьмёрку, выскользнуло из-под дубины.

В следующий миг клинок плашмя опустился на шею противника сбоку. Он упал ничком, не издав ни звука.

Убедившись, что мои противники без сознания, но опасность их жизни не угрожает, я подбежал к девушке. Она лежала на земле навзничь и, в самом деле, была без сознания.

Я сел рядом и попытался положить её голову себе на колени, чтобы нормализовать кровообращение, но она вдруг открыла глаза и отстранилась.

– О, кто ты?

– Друг.

– Правда?

Девушка, приподнявшись на локте, увидела, что её враги распластались на земле без чувств, и благодарно качнула своей прекрасной, как она сама, головой.

– Ты – мой Ангел, ты явился с Неба.

Я не сумел что-либо ответить вразумительное, потому что меня вдруг поразили её правильные черты. Казалось, что природного художника в момент её зачатия охватило особое вдохновение.

Впечатляющие чёрные глаза смотрели немного искоса, и в то же время прямо, но не с вызовом, а очень внимательно, заинтересованно, словно девушка одним своим взглядом без лишних слов желала предложить бескорыстную помощь. Великолепные слегка вьющиеся густые чёрные волосы обрамляли её лицо, подчёркивая его идеальный овал и белизну.

Её черты были настолько колоритными, что я, кажется, долго бы смотрел на неё, не произнеся ни звука, если бы в следующий миг к нам не подошёл, жалко ковыляя, спутник девушки, как я понял из его крика, её дед.

Его пытливые и поблёскивающие, как два уголька, глаза благодарно посмотрели на меня. Окладистая курчавая чёрная борода вдруг затряслась от пережитого волнения, а сморщенное коричневое лицо сморщилось ещё больше.

– Парень, запомни, дядя Миша никогда не забывает добро. Ляля, пошли!

Девушка поднялась и бросила на меня долгий прощальный взгляд. В следующую минуту дед и внучка, как два удивительных призрака, один хромой и корявый, а второй изящный и привлекательный, растворились в изумрудных кустах можжевельника.

Глава вторая. Елена

*Взгляд, как прозрачайший хрусталь,
Но словно на лице вуаль,
Её, как будто, душист грусть,
Что я к ней больше не вернусь.*

Владилен Елеонский, Айвенго

Я вышел на просеку, чтобы найти кого-нибудь. Следовало задержать Демонов и оказать им медицинскую помощь. Я знал, как бить, и был уверен, что мои удары не причинили существенного вреда их здоровью, но кто в таких делах может знать наверняка?

Выйдя на просеку, я обомлел. В мою бытность просека была захудалой лесной дорогой. Теперь же я увидел добротное широкое бетонное шоссе с высоченными шпалами фонарей, они возвышались над обочиной через каждые полсотни шагов. Приятный, как говорится сюрприз, причём совершенно непонятно, с какой целью какой-то умник проложил автобан посреди леса.

Мимо промчалась парочка крутых чёрных джипов. Водители даже не посмотрели в мою сторону, хотя я усиленно голосовал.

Так повторилось несколько раз. Шикарные иномарки пролетали мимо, не снижая скорость. Похоже, что на простых автомашинах по этой дороге не ездят.

Затем надолго воцарилась тишина и благодать. Ни одной машины!

Я побрёл вдоль обочины, не зная, что делать. Сзади раздался шум мотора. Будучи уверенным, что всё снова повторится, я даже не обернулся.

Сзади, совсем рядом, шаркнули шины.

– Добрый день, турист!

Я удивлённо обернулся и увидел за рулём солидного серебристого японского джипа батюшку в чёрной рясе. Его я знал давно, ещё с тех времён, когда он был не батюшкой, а охранником нашей краевой плотины на берегу водохранилища.

Лет восемьдесят назад нашу довольно бурную реку Петровку перегородили плотиной, она разлилась и затопила село Петровское, от которого остался лишь заброшенный и разрушенный храм. Река не смогла затопить храм, поскольку он стоял на крутой возвышенности, в толще которой, как говорили наши краеведы, недавно обнаружили следы первобытной цивилизации. Крутой слон теперь стал лесистым и обрывистым берегом Нового озера, так стали называть водохранилище.

Батюшка был чем-то похож на известного всем Григория Распутина, такой же плечистый, угловатый, с правильными чертами лица и пронзительным взглядом чёрных глаз. По совпадению его также звали Григорием.

Кроме внешности, отец Григорий, кажется, ничем больше не напоминал Распутина. Однако злые языки поговаривали, как мне писал в письмах Сафонов, что привлекательные румяные молодые прихожанки толпой валят к нему на исповедь. Вино, поставляемое с краевого винзавода, щедро льётся по праздникам и в будние дни под довольный бас отца Григория и восторженные женские вопли из окон великолепного современного трёхэтажного сруба, поставленного не так давно при храме.

Рядом с отцом Григорием сидел какой-то парень, но лобовое стекло отсвечивало, и я не разглядел его внешность. Отец Григорий приветливо улыбался мне, как видно, он так всегда встречал новых людей. Конечно, он отлично помнил период нашего знакомства, когда мы подростками посещали местную фехтовальную секцию, однако мой грим, как видно, сработал, батюшка меня не узнал, да он особо не присматривался, судя по всему, куда-то торопился.

Я севшим голосом поздоровался и просипел суть дела, показывая своим футляром в ту сторону, где я оставил Демонов лежать на земле.

Отец Григорий заглушил двигатель и вышел из машины.

– Подожди, не суетись. Куда идти? Показывай.

Его спутник также вышел из автомобиля, и я вдруг узнал его. Ещё один знакомый! Передо мной возвышался мой соперник по европейским соревнованиям, тот самый, который едва не затеял со мной драку, когда узнал, что первое место на чемпионате выиграл всё-таки я.

Игорь Лобанов, конечно, повзрослел с тех пор. Он, кажется, ещё больше вытянулся, раздался в плечах, а без того большая голова стала как будто ещё массивнее.

Однако прямой волос по-прежнему чернел крылом ворона. Косая чёлка всё также падала на широкий лоб, который перерезала заметная борозда, создавая впечатление, что Лобанов вечно чем-то озабочен.

Примечательный нос продолжал раздуваться крыльями широких ноздрей, напоминая постоянно принохивающийся к чему-то кабаний пятак. Карие глаза смотрели по-прежнему – оценивающе и с холодной усмешкой. Ощущение было такое, будто Лобанов видит твои внутренности и поэтому смеётся.

Мы прошли к тому месту, где я подрался с бандитами, но там никого не оказалось. Батюшка с усмешкой посмотрел на меня.

– Ты как себя чувствуешь, парень? Может, привиделось?

Я только махнул рукой и пошёл прочь. Бесплезно что-либо объяснять, всё равно не поверят.

– Эй, постой-ка, любезный! Поедешь с нами.

– Зачем?

– Надо. Нам – для солидности, тебе – для душевной пользы.

Больше отец Григорий не счёл нужным ничего объяснять. Он вёл себя так, словно неповиновение его просьбам, больше похожим на приказ, просто не существует в природе.

Когда мы ехали, я обратил внимание на странное объявление. К столбам были прикреплены огромные щиты, на которых средних лет суровый огромный упитанный мужчина с глубокими залысинами на необъятном лбу в чёрном костюмчике и белоснежной сорочке без галстука, пристально уставившись в пространство глазами слегка навывкате и с вытянутым прямо перед собой указательным пальцем, строго вопрошал: «А ты записался добровольцем? Оплата сдельная до 120 тысяч рублей в месяц. Виктор Малявин, директор филиала краевого мясокомбината „Нежная Лазурь“. Звони, брат: 8904—097—41—45».

Тем временем батюшка, изредка поглядывая на меня через зеркало заднего вида, уверенно вёл автомобиль одним мизинцем. Вдруг справа я увидел ярко-красный щитовой забор высотой чуть ли не в десять метров, он заслонил собой сосновый бор.

Батюшка мгновенно заметил мой интерес.

– Развлекательный центр «Луч».

«Здесь же были охотничьи угодья», – едва не вырвалось у меня, но я вовремя плотно сжал зубы и сомкнул губы. Однако батюшка, похоже, заметил мой порыв.

– Просил помочь закончить стройку. Обещали, но время тянут. Ты кто по специальности?

– Геолог.

– Жаль, мне плотники и штукатурки нужны. Мой новый управляющий уверяет, что к зиме построим. Крещёный?

– Я? Да.

– Значит, святое дело. В «Луче» я был у капиталистов, теперь заедем к коммунистам.

Каково же было моё изумление, когда джип батюшки остановился у дома моего отца, – обшитой тёсом просторной генеральской советской дачи, которую новые власти позволили

отцу оформить в собственность и права на которую я, как видно, лишился, пойдя против его воли.

Мы вошли во двор. На крыльцо сразу вышел отец в лёгких брюках и цветастой рубашке с коротким рукавом, суровый, плотный, коренастый с умным взглядом пронизательных серых глаз и рельефным лицом древнеримского патриция. Мой папа выглядел всё так же с тех пор, как я мельком видел его несколько лет назад, только поседел ещё больше.

– Здорово, отец Григорий, опять денег приехал просить?

– Утро доброе, дорогой мой Николай Петрович. Чем сможешь, тем поможешь. Сколько можно голым кирпичам в храме кланяться? Некрасиво, неправильно, не по-божески.

– Ладно, заводи свою делегацию на террасу. Побалакаем, а Елена нам чай сварганит.

Отец меня не узнал. Впрочем, он особо не смотрел в нашу с Лобановым сторону, как видно, привык, что батюшка постоянно приезжает не один, а в компании сопровождающих лиц.

Мы сели за широкий длинный стол. Из огромных решётчатых окон террасы открывался вид на окрестные знакомые с детства луга и лесные косогоры, но проклятый ядовито-красный десятиметровый забор и отсюда портил весь вид, он шёл корявой полосой и заслонял лес.

Домашняя обстановка была знакома, практически ничего не изменилось, лишь деревянная обшивка стен после недавнего ремонта приобрела несколько иной оттенок, однако всё того же бежевого цвета.

Отец что-то крикнул Елене, сам тоже сел с нами за стол.

– Так что, отец Григорий, какие новости? Давно я у вас, да и в городе не был.

– Стройка затянулась.

– Эка новость! Пока ты, батюшка, строишься, у тебя конкурент объявился.

– Брат Святослав? Брось, Петрович! Баловство. Молодой человек желает порезвиться, пусть. Доверчивых людей в купель опускает, якобы молится.

– Люди у него выздоравливают от застарелых недугов.

– Господь знает!

– А зачем ты решил новый храм строить? Не лучше ли было восстановить старый, тот, что на берегу Нового озера?

– Ты от жизни отстаёшь, Петрович. Новый губернатор наш земли те перевёл под нужды пищевой промышленности. В бывшем храме отгрохали цех краевого мясокомбината «Нежная Лазурь». Виктор Малявин там заправляет. Вот так!

– Понятно, а тебе что удалось построить?

– Домик при храме построили, хоть ночевать есть где, а сам храм в разобранном виде пребывает. Купол есть, крыша, но внутри – никакого убранства.

– А как же директор винного завода? Неужели у него нет денег?

– Каждый помогает тем, чем может. Винный завод выручает вином. Прихожан с каждым днём становится всё больше. Много вина требуется для причастия.

– Да неужели нет бизнесменов среди прихожан? Никогда не поверю!

– Жертвуют, но сейчас, Петрович, ты знаешь, обстановка не та. Западные санкции Россию душат. Бизнес жёстко экономит, ждёт, не знает, что завтра будет.

– Не пойму, как на пожертвованиях храму можно экономить?

Такой разговор, наверное, мог продолжаться долго, но на террасу вошла Елена в светлой блузе и тёмных модных брючках в обтяжку. В руках она держала медный поднос, на котором дымились четыре чашки густого пахучего чая.

Моё сердце ёкнуло. Милая Лена была всё так же красива. Её лицо светилось необыкновенно чистым лунным светом, а глаза струились хрустальным блеском и незаметно увлекали за собой в волшебный мир нежного спокойствия и возвышенной благодати.

Грация Елены во время ходьбы создавала ощущение полёта. Ты смотришь на неё, а мысли вдруг уносятся куда-то вдаль, сердце охватывает волнующий восторг и теряется счёт времени и осознание окружающей обстановки.

Лена удивительным образом приковывала к себе внимание, однако красота не могла скрыть душевную грусть. У меня сжалось сердце. Несомненно, Елена выглядела печальной. Веки глаз были красноватыми и припухшими, по всей видимости, от недавних слёз.

Мужчины мгновенно умолкли. Лобанов исподтишка окинул девушку нескромным взглядом. Отец Григорий приветливо улыбнулся ей, как старой знакомой.

– Елена, здравствуй!

– Здравствуйте, отец Григорий. Рада вас видеть, да не одного, а с гостями. Пейте пока чай, пожалуйста. Я сейчас какие-нибудь сладости принесу.

– Не надо, дорогая моя, никаких пряников. Посиди с нами. Чего себе чай не принесла?

– Не хочется.

Елена села за стол рядом с отцом, по его правую руку. Отец Григорий окинул её лицо внимательным взглядом.

– Что-то грустная ты, деточка! Когда свадьба?

– Я не могу точно сказать. Может быть, Николай Петрович скажет.

– Конечно, Лена, скажу. Очень скоро!

– Повенчаем и дело с концом, – сказал в густую чёрную бороду отец Григорий.

– Пейте чай. Сафонов сейчас шашлык приготовит.

– Нет, Николай Петрович, поедом. Сегодня вечерняя служба. Приходите!

– Ты знаешь, батюшка, моё отношение к религии. Другого я воспитания человек. Тема моей выпускной работы в КГБ была по теме «Особая роль церкви в осуществлении государственной власти». Я уж не говорю об иерархах, которые все, за немногими исключениями, не просто связаны со спецслужбами, – они имеют специальные звания и соответствующую подготовку. Тех же, кто в угоду моде свечку в храме в руке держит, не мне судить.

– Верно, чего судить? Богу – Богово, а Кесарю – Кесарево. Может Елена придёт?

– Её прихожанкой хочешь заделать? У тебя губа не дура, батюшка. Мало тебе разговоров? Вино рекой льётся, женское веселье сплошь, девахи с дискотеки в Доме культуры, что напротив, кажется, завидуют, скоро платки подвяжут, – и к тебе на исповедь..

– Злые языки! Жизнь люблю, но меру знаю. А то, что у меня все прихожанки, как на подбор, красавицы, – не моя вина. Благодарю за чай!

– Извини, отец Григорий, прихожанами твоими не были и не будем.

– Я не принуждаю. Однако двери храма всегда открыты.

– Что касается строительства, подумаем. Есть одна бригада, государственные дачи ремонтирует. Поговорю с ними.

– Спаси, Господи!

Отец Григорий собрался уходить. Елена вдруг пристально посмотрела на Лобанова и обаятельно улыбнулась.

– Вы? Я вас видала по телевизору. Случайно. Вы хорошо фехтовали, но кто стал чемпионом Европы, я не отследила. Я, знаете ли, не фанатка. Так, иногда под настроение смотрю спортивное фехтование.

– Чемпионом стал Алексей Несмеянов.

Мрачное сообщение Лобанова произвело заметное впечатление. Елена мгновенно напряглась, словно ей в руку с размаху вонзили шило, а отец мигом помрачнел, превратившись в настоящую грозовую тучу. Сафонов же как-то странно посмотрел в мою сторону.

За окном, словно в унисон настроению отца, небо также почернело, вдруг поднялся сильный ветер, тревожно качнулись верхушки сосен за оградой.

Сафонов включил верхний свет.

– Кажется, дождь собирается. Гроза!

Вдруг за окном, в самом деле, лихо вспыхнула молния. Оглушительно, словно прямо над головой, громыхнул гром.

– Ого!

Сафонов кинулся к распахнутой створке окна и захлопнул её. В следующий миг хлынул ливень. Он был такой плотный, что даже на расстоянии вытянутой руки вряд ли что можно было разглядеть.

– Куда же вы в такой ливень, батюшка? – с участием сказала Елена. – Переждите. Время обеда, а на службу успеете! Сейчас Сафонов шашлык закончит делать.

– В самом деле. Переждём.

Разговор за столом не клеился, а буквально через четверть часа шашлык был готов. Сафонов приготовил его на мангале под навесом, туда ливень не смог добраться, хотя пытался.

Подав дымящееся мясо, Сафонов покосился на отца.

– Между прочим, Николай, к нам цыгане просятся. Дед какой-то и девушка. Вымокли до нитки. У деда колено опухло, идти не может. Просят дождь переждать под навесом.

– Только цыган нам здесь хватало!

– Как вам не стыдно, Николай Петрович!

Елена укоризненно посмотрела на отца. Тот лишь раздражённо махнул рукой. Мол, делай, что хочешь!

– Сафонов, какой ещё навес? Пусть они скорее сюда заходят. Дождь-то какой хлещет! Будем поить их горячим чаем и угощать сытным обедом. У тебя же там сало есть, колбасы, салат. Тащи всё сюда.

– Я понял, Елена Васильевна. Сделаем.

Лобанов как-то странно посерел. Его лицо приняло такой вид, словно Елена предложила пустить к столу двух крыс с мусорной свалки.

Батюшка также, кажется, был не в восторге от неожиданных сотрапезников. Однако борода скрывала его лицо, и сложно было различить истинное отношение. Вполне возможно, что моё впечатление о его неудовольствии было ошибочным.

Глава третья. Лобанов

*Идейный он, но взгляд, как гвоздь,
И в нём, похоже, скрыта злость,
Идею, как жену, голубит,
Но лишь себя, наверно, любит.*

Владилен Елеонский, Айвенго

Нетрудно догадаться, кто в следующую минуту вошёл на террасу. Дядя Миша и Ляля были мокрыми с головы до пят, они выглядели уставшими и продрогшими. Чёрные мокрые волосы свисали со лба сосульками у обоих. Ляля поддерживала обмякшего деда за локоть.

Отец мрачно посмотрел на незваных пришельцев, но их вид был настолько жалок, что он смягчился, а, возможно, он просто не желал лишний раз расстраивать Елену. Лобанов презрительно отвернулся и сунул в рот жирный пахучий кусок запечённого мяса.

Отец посмотрел на Сафонова.

– Дай им наши старые халаты, а их одежду развесь в сушилке. Потом веди их сюда, к столу, пить горячий чай с медом и есть шашлык.

Сафонов увёл цыган, а Елена вновь с интересом посмотрела на строгого Лобанова.

– Так вы фехтовальщик?

– Хороший, между прочим, фехтовальщик, – сказал за Лобанова отец Григорий. – Игорь Лобанов! Неужели не слышали? Бросил спортивную карьеру после досадного инцидента в Праге на чемпионате Европы. Как видно, покровители Алексея Несмеянова купили судей.

– О, Боже мой, так чемпионом Европы стал Алексей Несмеянов? Вы его знаете?

Лобанов окинул не на шутку оживившуюся Елену насмешливым взглядом из-под своих густых тёмных бровей.

– Да, милая девушка, знаю. Мне ли его не знать! Ушлый тип. Ни одной схватки он не выиграл по правилам. Вот так у нас становятся чемпионами!

– Неправда, – не выдержав, сипло сказал я, и все с удивлением повернулись в мою сторону, – вы, Лобанов, говорите неправду. Победа Несмеянова была честной, но именно вы затеяли интригу с оспариванием очевидных результатов.

– Ты чего, геолог? Из какой норы вылез, крот?

– Я, – любитель фехтования и страстный болельщик, – был на тех соревнованиях в Праге. Несмеянов так незаметно и ловко уколол вас, что вы споткнулись и рухнули на помост. Забыли?

Лицо Елены озарилось радостным светом. Отец посмотрел на неё и недовольно поморщился.

Лобанов, как будто мгновенно уловил настроение отца. Он громко рассмеялся и презрительно махнул длинной жилистой рукой в мою сторону.

– Чего слушать какого-то замшелого геолога? Ты, парень, ага, Очнись-ка, давай-ка, Под Томском тайга, И вшивая лайка, Вонючая крага, Геолога пайка. Великая Прага? Нет, в поле фуфайка! Ты, парень, ага, Утрись-ка давай-ка И в путь поднимайся, Вставай-ка, вставай-ка...

– Зачем вы обижаете человека? Что с того, что он геолог? Вы так говорите, как будто геологом быть позорно. Как вам не стыдно? Я знаю Алексея Несмеянова, и я знаю, что он...

– Лена, брось! Позови-ка лучше, пожалуйста, Шамбу. Пусть он направит разговор в другое русло. Что вы, в самом деле?

– Хорошо, Николай Петрович, как скажете.

Елена поджала побелевшие губы и повиновалась беспрекословно. Она тихо удалилась. Лобанов украдкой проводил её странным тягучим взглядом, он как будто хотел ощупать глазами её тело под блузкой и брюками.

Вскоре в комнату ввалился Иван Шамба. С его приходом, конечно, стало намного веселее.

Он, как видно, спал, без того полное лицо выглядело ещё полнее, но сонный вид не помешал ему привычно взять бразды застольного разговора в более надёжные руки. Пухленький, как колобок, со смешной плешью посреди густой курчавой шевелюры Иван сыпал шутками-прибаутками направо и налево, рассказывал по поводу и без повода анекдоты, сопровождая рассказ мастерской мимикой и точной интонацией голоса.

Вошли цыгане. Елена ласково усадила их за стол и налила чаю. Дядя Миша смотрел себе под нос, а Ляля вдруг бросила в мою сторону короткий взгляд.

– Коли нет чего покрепче, с чаем станет сразу легче, – навскидку сказал Шамба.

Лобанов резко поднялся из-за стола.

– Позвонить надо, батюшка. Насчёт цемента!

– А? Ах, да! Святое дело. Звони, Игорь, звони.

Лобанов, бросив на цыган недобрый косой взгляд, быстро вышел.

– Хороший парень, но горячий, – сказал отец Григорий.

– Между прочим, скоро будет праздник. Кторов грозитя устроить нечто вроде рыцарского ристалища. Твой фехтовальщик, батюшка, не желает участвовать?

– Что я могу сказать тебе, Петрович? Кторов – оригинальный губернатор. Удовольствие для богатых решил устроить. Он обязал участников покупать экипировку на ристалище. Лишь арбалетчики будут освобождены от этого условия, но арбалет – сам по себе эксклюзивный вид спорта.

– Сколько стоит экипироваться на праздничный турнир?

– А сколько стоит новая Лада Веста?

– Ого! Кторов, как видно, раззадорился не на шутку. Какая-то несчастная экипировка – шестьсот тысяч рублей?

– Вовсе не какая-то экипировка, а чешские рыцарские доспехи и рапиры. Всё, как полагается, всё по-настоящему. Игорь – москвич. У него в Москве солидный бизнес, так что деньги для него не проблема. Он, конечно, будет участвовать. Застоялся Игорь без спорта, сердце просит, я вижу, да и вообще, себя надо показать, людей посмотреть.

– Хорошего ты себе управляющего раздобыл.

– Сам не нарадуюсь.

– Женат?

– Нет, Петрович, Игорь готовится на монашескую стезю. Завершение строительства храма – его послушание.

Елена вдруг пристально посмотрела на меня. Кусок шашлыка едва не застрял в моём горле.

– Скажите, вы, в самом деле, были тогда в Праге?

– Да.

– Вы видели выступление Алексея Несмеянова?

– Да.

– Что у вас с голосом? Вы простыли?

– Да.

– Хотите, я приготовлю вам полоскание? У меня есть фурацилин.

– Благодарю. Не надо!

– Не молчите же тогда, скажите, наконец, как он выступал, как держался, как себя чувствовал?

– Чувствовал он себя, судя по всему, превосходно. У него не было ни одного поражения. Все противники проиграли на первой минуте, в том числе Игорь Лобанов. Я повторяю, что всё, что Лобанов вам сейчас рассказал, – неправда.

– Ах, как жалко, что я не обратила внимания на фамилии фехтовальщиков и не стала смотреть трансляцию соревнований по телевизору до конца!

Батюшка вдруг нахмурился. Ответ, который так безапелляционно прозвучал из моих уст, очень нелестно характеризовал Лобанова и, как видно, пришёлся ему не по вкусу.

Мой отец резко повернулся к Шамбе.

– Хватит жевать, Иван. Чего затих?

Шамба поспешно проглотил кусок, вытер жирные от мяса губы вафельным полотенцем и мгновенно выдал анекдот про Хрущёва. Мол, летит Юрий Гагарин в космос. Никита Сергеевич торжественно вручает ему кукурузное зёрнышко с наказом поглядеть, как оно поведёт себя на орбите, в невесомости, а Гагарин ему с улыбкой отвечает...

Все хихикали по ходу рассказа. Я тоже оживился, но мне не удалось дослушать его до конца, потому что ко мне сзади вдруг подошёл Сафонов и шепнул на ухо:

– Слушай, Лёшка, цыганам угрожает опасность. Я случайно услышал разговор Лобанова по сотовому телефону. Какой там к шуту цемент! Он сообщил адрес и сказал, что есть пара смолистых куропаток, одна хромая, с гонором, её давно пора поджарить.

– Да ты что! А как ты меня узнал?

– Брось! Мне ли тебя не узнать? Наверное, я не только хороший охотник.

Итак, Сафонов меня узнал. Что ж, тем лучше. Если что, будет на кого опереться.

Дядя Миша сидел неподвижно за столом напротив меня и морщился от боли в колене. Кажется, она досаждала ему всё больше и больше. Старый цыган не притронулся ни к чаю, ни к мясу, а Ляля лишь пригубила из чашки, как видно, из вежливости.

Я посмотрел на девушку, она внимательно посмотрела в ответ, чувствуя, что я хочу что-то сказать. Дядя Миша тоже настороженно затаил дыхание.

Я наклонился через стол и шепотом предупредил их, так, чтобы никто не слышал, благо, что все слушали очередные байки Шамбы о том, что в СССР недовольными занималось КГБ, а довольными – ОБХСС, а недавно изобрели золотой телевизор, который не смотреть, а показывать надо, и громко смеялись.

Дядя Миша недобро скрипнул зубами. Прекрасное лицо Ляли, напротив, благодарно вспыхнуло. Нужно было быть круглым идиотом, чтобы не понять по её виду, что она не могла без трепета смотреть на меня. Ума не приложу, чем я ей так понравился.

Вдруг вошёл Лобанов и громко сообщил:

– Цыганскому деду плохо. Как-то не по-христиански спокойно взирать на его муки. Я вызвал карету скорой помощи. Сейчас за ним приедут!

Дядя Миша резко поднялся из-за стола и сверкнул острым осуждающим взглядом вначале в сторону Лобанова, затем – отца Григория.

– Кого дурите? Себя? Ладно людям, себе-то не врите! Знаю я ваше милосердие. Вещи мои верните!

Он, прыгая на одной ноге, довольно проворно выскочил из комнаты. Лобанов попытался загородить ему путь, но дядя Миша так толкнул, что тот, высокий плечистый, пушинкой отлетел в сторону, освободив дорогу.

Ляля кинулась вслед за дедом. Перед тем как выскочить из комнаты, она изящно повернулась на носках, как настоящая балерина, и громко сказала:

– Простите его! Он не хотел никого обидеть. Он добрый. Правда!

Вдруг горькие слёзы хлынули из глаз цыганской девушки. Она вся покраснела и, глотая хлынувшую к уголкам рта солёную влагу, поспешно выпорхнула из комнаты.

Все, кто сидел за столом, просто окаменели, даже весельчак Шамба.

Вдруг Елена резко поднялась и посмотрела в окно.

– Куда же они? Такой ливень!

В ответ Шамба продекламировал с хохотком:

– Я пирог свой на противень, Сверху вдруг бродяга ливень, Я смеялся, не грустил, Дождь противень мне помыл.

Все снова оживились и зашевелились. Елена одарила Шамбу укоризненным взглядом и выскочила из комнаты. Лобанов тенью двинулся следом.

Отец мрачно посмотрел на батюшку.

– Вот так мы живём. С ума сходим!

– Повенчаем и дело с концом. Чего медлишь, Петрович? Такая девица пропадет. Ей твёрдое мужское слово необходимо, а ты, похоже, в самом деле, – раскисший пирог под дождём.

– Не отец я ей, вот в чём дело.

– Ты не отец, я отец.

Они ещё что-то тихо говорили друг другу, я не слушал, потому что вдруг увидел перед собой на столе смятую салфетку. Сквозь её белоснежное тельце чернели какие-то каракули. Я машинально развернул салфетку. На обратной стороне было выведено следующее:

– «Я вижу, вы хотите, а я хочу вам помочь. Вам обязательно надо участвовать, идите по адресу, там мой дядя, он даст деньги на экипировку».

В углу салфетки малюсенькими буквами был указан какой-то городской адрес. Я сунул салфетку в карман, потому что как раз в этот момент батюшка шумно поднялся из-за стола.

– Благодарю за приют и угощение, Петрович, однако время. Пора!

Батюшка по-дружески обнял отца и вышел. Я выскользнул вслед за ним. Отец не обращал на меня ни малейшего внимания.

Дождь почти прекратился. Он закончился та же внезапно, как начался. Батюшка, а вслед за ним я и Лобанов, двинулись к калитке, за которой чернела крыша джипа.

Елена обаятельно помахала нам рукой с балкончика, устроенного в мансарде. Какая же она замечательная! Красивая, душевная, чуткая, правильная.

Лобанов приветливо махнул ей рукой в ответ, а я никак не отреагировал. Мне вдруг показалось, что Елена задержала взгляд на моей спине, которую я так старательно сутулил. Неужели она что-то заподозрила? Я поспешил проскользнуть сквозь калитку на улицу.

Глава четвёртая. Первый день

*Принц Джон – красавец, без сомненья,
Своё он любит окруженье,
И для него он – принц-кумир,
А жизнь с ним – праздник и турнир.*

Владилен Елеонский, Айвенго

Батюшка высадил меня на автобусной остановке и, поблагодарив за спонтанное участие в деле строительства храма, посоветовал не шататься больше по лесу одному. Они с Лобановым спешили на службу, поэтому, кивнув, стремительно укатили прочь.

В городе я остановился в туристической гостинице, отоспался и отдохнул, но когда на следующий день в приподнятом настроении прибыл на стадион «Заря», тот самый, который построил Львов, вдруг понял, что, в самом деле, требуются немалые средства для участия.

Объявление у регистрационного окошка сухо сообщало: «Вниманию участников! Правилами предусмотрена рыцарская экипировка установленного образца. Прокат – пятьсот тысяч рублей. Без экипировки или в экипировке иного образца участники на праздничное рыцарское соревнование не допускаются».

Я в расстроенных чувствах полчаса побродил вокруг стадиона, затем сел в придорожное кафе и выпил пару больших чашек кофе. Я никак не ожидал, что будет такая сумма. Пятьдесят, пусть сто тысяч, но пятьсот тысяч рублей – нереально!

Я пил кофе и тихо грустил. Теперь придётся корректировать планы.

Я рассчитывал, победив на соревнованиях, влиться в камарилью Кторова, осмотреться, понять, чем они дышат, что затевают. Сейчас мне пригодилась бы любая информация.

Однако, как видно, не сложилось. Хитрый Кторов, установив правило проката экипировки, убивал сразу несколько зайцев одним выстрелом.

Благодаря финансовому ограничению, в соревнованиях будут участвовать преимущественно свои. Им деньги Кторова, конечно, найдёт. Был бы, как говорится, Кторов, а хитрая статья бюджета для финансирования найдётся.

Прибудут, конечно, другие участники, – те, кто наскребёт по сусекам деньги, но они вряд ли победят. Зная о художествах Кторова из писем Сафонова, я был уверен, что Кторов бросит на соревнования самых сильных фехтовальщиков и вырвет победу зубами. Следовательно, заявленные призы, немалые, между прочим, суммы, плюс джип в подарок и годовой продуктовый деликатесный паёк, также достанутся людям Кторова.

Я оценил также гениальность идеи проката экипировки. После соревнований доспехи и рапиры вернутся Кторову, их можно будет использовать в последующих, так сказать, проектах по наращиванию своего влияния среди населения, в том числе для осуществления замаскированных криминальных акций.

Я накачался кофе под самое горлышко и расплатился с милой девушкой-официанткой. Она вдруг нагнулась, её куцая тёмная юбочка задралась вверх, ненароком обнажив крепкие, как у акробатки, сексуальные ноги, и подняла с пола смятую салфетку.

– Ой, у вас из кармана выпало.

– В самом деле. Благодарю!

– Заходите ещё.

– Обязательно!

Девушка игриво посмотрела на меня и удалилась, завлекательно покачивая бёдрами, будучи, как видно, стопроцентно уверенной, что я провожаю её взглядом. Как же я забыл об адресе, который мне дала милая Ляля?

Я вышел на улицу и вздохнул. Предубеждение рисовало мне нелицеприятную картину. Слухи о цыганах, методах их работы, кажется, набили оскомину. По этой причине даже такой милой девушке, как Ляля, поверить я, конечно, не мог.

Тем не менее, деваться было некуда. Следовало рискнуть.

Страшный до невозможности подъезд «хрущовки» усилил нехорошее предчувствие. Когда избитую дверь открыл засаленный морщинистый мужчина-цыган с прокопчённой длинной трубкой во рту, сердце моё упало.

– Я... это... здравствуйте.

– Короче. Сколько?

– А?.. Пятьсот.

Он без разговоров сунул мне через порог толстую пачку пяти тысячных купюр, как будто держал её наготове, и дёрнул за ручку, чтобы захлопнуть дверь.

Я удивлённо воззрился на него.

– А расписка?

– Засунь её себе в задницу. Захочешь, отдашь без всякой расписки. Не захочешь, я силой из тебя выбивать не буду. Понял? Забыл, от кого пришёл? Всё, проваливай!

Недоумеая, я колом выкатился из чёрного подъезда, такого чёрного, словно здесь каждый день жгли резиновые покрышки.

Скоро наступила пятница – день начала соревнований, а завершались они по плану мероприятий в воскресенье, в День города.

Перед стадионом возвышалось огромное электронное табло. На нём чуть ли не аршинными светящимися буквами была напечатана информация о предстоящем турнире. Каждый, кто в праздничном настроении, один или с друзьями и родственниками, подходил к нему, мог прочитать следующее: «Внимание, внимание! Спешите, спешите, количество билетов ограничено. Праздничный турнир „Весёлый рыцарь и Весёлая принцесса“ посвящен Дню нашего замечательного города. Реальные фехтовальные бои в пешем строю на помосте и бревне. Программа турнира. Первый день. Фехтование на рапирах. Индивидуальные бои на высоте семь метров на бревне. Мастера спорта международного класса по фехтованию на рапирах Тимофей Фомин, Владимир Басов и Игорь Лобанов вызывают на дуэль всех желающих. Тот, кто пропустит укол или сорвется с бревна, выбывает. Тот, кто в результате всех дуэлей останется на ногах, – Победитель дня. Если победителями станут Фомин, Басов и Лобанов, Победителем дня становится тот из них, кто одолеет наибольшее количество соперников. Второй день. Массовое фехтование на высоте семь метров на помосте в пешем строю стенка на стенку. Бойцы, сбитые с ног или сорвавшиеся с помоста вниз, выбывают. Последний оставшийся на ногах, – Победитель дня. Третий день. Стрельба из арбалета по обычным надувным шарам, транспортируемым над стадионом на высоте пятьдесят метров. Тот, кто сумеет сдуть наибольшее количество шаров, станет Победителем дня. Призы победителям – автомобиль БМВ и денежное вознаграждение в сумме восемь миллионов рублей. Внимание, красавицы! Победитель первого дня выбирает из зрителей самую очаровательную, по его мнению, и улыбочивую девушку – Весёлую принцессу. Обратите внимание, Весёлая принцесса участвует в работе жюри, а после окончания праздничных мероприятий зачисляется в штат помощников губернатора края по особым вопросам».

Документы никто не спрашивал, имена записывали со слов. Главным требованием были деньги.

Я зарегистрировался, как Валентин Смехов, заплатил требуемую сумму, получил экипировку и скоро был готов к выступлению. Парень, помощник распорядителя, потребовал, чтобы я снял очки, прежде чем надеть рыцарский шлем. Пришлось повиноваться. Он также попросил меня указать фамилию, имя, отчество моего поверенного лица и подписать моё поручение ему на получение приза.

– Почему победитель сам не может получить деньги?

– Ему будет не до денег. Как победитель он будет постоянно присутствовать при губернаторе, участвовать в новостных и рекламных съёмках, а также помогать Весёлой принцессе вести праздничный обед.

Пришлось снова повиноваться. Своим поверенным лицом я указал Сафонова.

Стадион давно ломился от зрителей, как праздничный пирог от щедрой начинки. Лучшие люди города и края собрались здесь с друзьями и семьями.

Кторов взял в руки мегафон и, встав во весь рост в белоснежном кабриолете, словно министр обороны, принимающий Девятого мая Парад на Красной площади, поехал по арене, сплошь покрытой мягким толстым чёрным резиновым ковром.

– Лучшие люди города, приветствую вас, друзья мои! Сегодня мы немного отдохнём от дел и развлечёмся. Пусть парни покажут удачу, а девушки – красоту. Может, они найдут сегодня свою судьбу, независимо от политических предпочтений их отцов и дедов. А, Николай Петрович? Несмеянов делает вид, что меня не слышит.

С этими словами Кторов махнул рукой моему отцу, который в окружении Елены и Славика Самойлова сидел в первом ряду центральной трибуны. Мой отец лишь презрительно отмахнулся.

– Нет, слышит, но не будем ссориться по пустякам. Пусть участники ссорятся, добывают победу и любовь поклонниц в честном поединке. Всем распорядителям турнира, внимание! Я объявляю первый день соревнований открытым. Ах, друзья, ах, ребята, молодым так много надо! Кого-то ждёт шикарный автомобиль БМВ и восемь миллионов рублей на банковский счет в Россельхозбанке. Между прочим, помощники губернатора Тимофей Фомин и Владимир Басов сегодня вспомнят своё спортивное прошлое и будут участвовать. Думаю, они покажут класс. По моему личному приглашению на стороне Фомина и Басова будет участвовать Игорь Лобанов, известный спортсмен и председатель духовного благотворительного фонда. Ура!

Публика на стадионе нестройно подхватила:

– Ура-а-а...

– Теперь поприветствуем участников!

Мы вышли на арену, облаченные в мягкие, но надёжные доспехи из кевлара – высокопрочной семислойной синтетической ткани. Тело было надёжно защищено кевларовым комбинезоном, а на головы у нас были надеты кевларовые каски, для её изготовления слой синтетической ткани пропитывают застывающим составом и придают форму. Специально для целей турнира по заказу Кторова каскам придали форму средневековых рыцарских шлемов и приспособили к ним соответствующие старинные забрала с дырочками, через которые можно было смотреть и дышать.

В руках все участники сжимали грозные клинки, искусно стилизованные под итальянские рапиры XVI века. Остриё всех рапир в целях безопасности организаторы соревнований затупили.

По условиям схватки на бревне, под ним натягивалась сетка, которая ловила сорвавшихся вниз бойцов, однако по желанию участников сетку можно было снять, тогда дуэлянты рисковали получить серьёзную травму, но острота зрелища усиливалась.

Турнир стартовал довольно вяло. Люди Кторова без труда, одного за другим, сбивали своих соперников с бревна.

Никто не мог противостоять их мастерству и напору. Публика на стадионе недовольно засвистела.

– Кторов, неувязка, силы неравные!.. Подстроил?

Губернатор в ответ с обаятельной улыбкой пил «Боржом». Турнир продолжался.

Когда человек сорок сорвались с бревна, количество желающих идти на дуэль с мастерами международного класса заметно поубавилось. Кажется, всё предрешено. Какой смысл?

Кторов бросил косой взгляд на распорядителей. Они лезли вон из кожи, приглашая желающих биться на дуэли.

– Уважаемые рыцари, куда же вы? Дерзайте, они не такие сильные, какими кажутся. Смотрите, они устали!

Однако мордатые мастера международного класса отнюдь не выглядели уставшими. Никто больше не желал с ними биться.

– Всё подстроено! – громко сказал пьяный голос из толпы зрителей.

Тогда я понял, что пришёл мой час. Посмотрим, уважаемые бандиты, кто кого. Честный поединок – не ваша стезя.

Я подходил к палатке мастера, трогал рапирой шлем, висевший у входа, – вызывал его на бой.

Дальше всё произошло быстро с одним и тем же результатом. Мои спесивые и наглые соперники, как ни стращали меня, как ни ругались, к великому удовольствию публики проиграли.

Фомин упал на колени, что по правилам турнира считалось проигрышем, а Басов сорвался с бревна и, как мотыль в сачок, угодил в сетку, натянутую внизу.

Ура! – завопили обрадованные зрители.

Кторов с великолепной улыбкой приник своими красивыми чётко очерченными губами к пушистому, как кролик, чёрному микрофону:

– Где подставные человечки? Кто недоволен Кторовым?

– Довольны, довольны! – громко сказали разрозненные голоса с трибун.

Тем временем я коснулся шлема Лобанова концом клинка, что по условиям соревнований означало желание биться на бревне без защитной сетки, предохранявшей от падения с семиметровой высоты.

Публика неистово засвистела.

– Эх, зря, Рыцарь, он тебя сбросит!

Все хорошо запомнили, как Лобанов своими неуловимыми молниеносными ударами сбросил с бревна всех своих противников, – всех до единого.

Сетку убрали. Мы с Лобановым вышли на бревно.

Публика затихла. Все кожей почувствовали, что вот, наконец, состоится что-то настоящее.

Сквозь дырки забрала я поймал лица зрителей в первом ряду. Елена сидела как каменная. Отец оживлённо переговаривался с Вячеславом, как будто предстоявший поединок его совершенно не интересовал. Славик флегматично поддакивал отцу, вяло глядя на арену.

– Что, замшелый геолог, любитель фехтования, под Томском тайга и вшивая лайка, давай-ка, ага, отсюда слетай-ка.

С этими словами Лобанов сделал молниеносный и в то же время весьма коварный выпад. Угадать направление его клинка было непросто, но я угадал.

Толстое и широкое бревно позволяло маневрировать. Я сместил тело вбок и вперёд. Остриё клинка Лобанова мощно скользнуло по кевларовой ткани, но не смогло уколоть.

В следующий миг мой клинок шёл остриём точно в забрало. Такой точный и прямой удар был способен оглушить бычка, но Лобанов успел убрать голову.

Публика взревела так, словно мой удар не прошёл мимо, а попал Лобанову точно в лоб. Тем не менее, Лобанову удалось уйти. Как? Что сказать, – мастер!

Всё же я был уверен, что ничего его сегодня не спасёт. Он поспешно, чтобы успеть, замахнулся ребром клинка, целя в шлем сбоку. Я ступил назад, словно подставляясь под удар.

Лобанов вложил в него всю силу, как видно, решив, что я проиграл. Он был уверен, что я растерялся, и меня осталось всего лишь добить.

В самый последний миг я сместил тело. Клинок просвистел мимо. Ухода моего тела Лобанов никак не ожидал. Он не удержал равновесие и сорвался вниз.

Публика испуганно ахнула. Раскинув в стороны руки, словно они были крыльями, Лобанов спланировал с семиметровой высоты. Раздался глухой стук. Воцарилась мёртвая тишина.

Служащие стадиона подскочили к Лобанову, он неподвижно распластался на резиновом ковре. Его быстро погрузили на носилки и утащили в медицинскую палатку, на её защитного цвета полог был вышит огромный красный крест в белом круге.

Стадион бешено забурился, словно котёл с кипящей водой. К трибуне губернатора подскочил толстенький брюнет в белом халате и что-то шепнул Кторову на ухо. Губернатор с лучистой улыбкой поднёс к губам микрофон.

– Слава нашим монтажникам, на совесть поработали. КрайСтройГресту выпишем губернаторскую премию. Резиновое покрытие нас сегодня выручило, думаю, что выручит ещё. Медики только что сообщили, – здоровью Игоря Лобанова ничего не угрожает. Завтра он продолжит борьбу в массовой схватке, а сегодня нам остаётся объявить победителя, присвоить ему титул Весёлого рыцаря и попросить удачливого парня выбрать самую красивую девушку турнира, нашу Весёлую принцессу. Слово нашему уважаемому главному арбитру и распорядителю турнира Григорию Фирсову.

Фирсов, поджарый глазастый как ястреб, странно вытягивая губы в трубочку к микрофону, объявил имя победителя от имени жюри.

– Валентин Смехов – наш Весёлый Рыцарь! Ура...

Стадион взревел бешеным динозавром.

– Ура!

– У Игоря Лобанова почётное второе место, оно даёт ему право выступить командором одной из команд в завтрашней схватке. Соответственно командором команды его противников будет Валентин Смехов.

Стадион возликовал. Все сразу поняли, что в организации соревнований имел место сговор, однако мою победу вряд ли можно было инсценировать.

Люди Кторова дрались так яростно и жёстко, что многие зрители, особенно девушки, начали всерьёз опасаться за мою жизнь, но несмотря на злобное и жестокое сопротивление, победил я, а не бандиты Кторова. Вот почему толпа радостно приветствовал меня с трибун, а Басов и Фомин бросали в мою сторону косые недобрые взгляды.

Кторов не выказывал ни малейшего недовольства. Он, смакуя, продолжал пить «Боржоми».

Фирсов подал мне увесистую золотую корону, выполненную в виде лепестков жасмина.

– Наденешь её на голову Алисы. Она сидит на главной трибуне неподалёку от Кторова!

Кивнув чисто из вежливости, я для вида проехал несколько кругов на кабриолете, якобы выбирая из девушек самую достойную.

На главной трибуне неподалёку от Кторова, в самом деле, сидела видная колоритная глазастая и кудрявая, как чёрный пудель, брюнетка. Её жирная тушь на ресницах и густая бордовая помада на губах были совершенно лишними.

Без всякого грима ресницы Алисы напоминали щёточки, а губы были настолько впечатляющими, что, казалось, если вытянуть их в трубочку, то можно пить кока-колу из бокала, совершенно не наклоняя голову. Очень удобно, но не красиво!

На самом деле, я, конечно, с самого начала знал, кто сегодня самая достойная. Жёсткий приказ Фирсова пришлось проигнорировать.

Пошли вы куда подальше, ребята! Сегодня я сделаю приятное той, которую люблю, той, которая своими душевными качествами и истинной, а не намалёванной красотой заслуживает золотую корону.

Вдруг где-то с краю, у самого выхода с трибун, я увидел Лялю. Она скромно сидела на краю скамьи рядом с дедом, который сжимал в руках массивный костыль, как видно, боль в ноге всё ещё досаждала ему.

Я увидел лицо Ляли и дрогнул. Водитель кабриолета почувствовал моё настроение и притормозил.

Что же я увидел в её лице? Не могу объяснить чётко и ясно. В нём таилось нечто труднообъяснимое. Чем привлекает нежный плеск волн? Почему влечёт Луна, сияя сквозь вуаль ночной пелены? Разве можно объяснить обаяние полёта ласточки?

– Брось, Весёлый рыцарь, цыганская бродяжка тебе не подходит!

Насмешливый пьяный мужской голос с трибун привёл меня в чувство и кабриолет двинулся дальше. Я заметил краем глаза, как Ляля изменилась в лице, она словно вдруг погасла. Дядя Миша тепло обнял внучку за плечи и погладил её по голове.

В конце концов, я остановил кабриолет напротив трибуны, где сидела моя избранница. Не снимая шлем, чтобы оставаться неузнанным, я подошёл к Елене и надел ей на голову корону.

После этого новоиспечённой Весёлой принцессе пришлось перейти на трибуну Кторова, взять в руки микрофон, кратко подвести итоги и объявить программу завтрашнего дня.

– Перефразируя слова Белинского, хочу обратить внимание уважаемой публики, – в заключение сказала Елена, – наш Весёлый рыцарь доказал нам сегодня, что и один в поле воин, если он... Валентин Смехов!

Глава пятая. Второй день

*Не надо никакой награды,
Мы сами, брат, теперь не рады,
Какой в него вселился зверь,
И кто пред ним закроет дверь?*

Владилен Елеонский, Айвенго

Не знаю, на что рассчитывали участники, может быть, схватка в толпе показалась им более лёгкой, мол, здесь не надо особых навыков фехтования, только успевай, маши рапирой, как дубиной, направо и налево, но на следующий день зарегистрировалось гораздо больше желающих участвовать. Как видно, они не в полной мере представляли, что их ждёт.

Монтажники убрали огромное бревно и заменили его квадратным помостом размером сорок на сорок метров. Помост не имел никакого ограждения.

Любому участнику массовой стычки грозило падение с семиметровой высоты, – на этот раз никакой предохранительной сетки не было. Кторов решил разнообразить условия и усилить остроту, воспользовавшись тем, что, как выяснилось вчера, резиновое покрытие довольно упруго и, кажется, надёжно уберегает от серьёзных травм.

Когда участники увидели помост на высоте, их количество мгновенно сократилось на треть. Когда же Фирсов выдал всем участникам плащи, некоторые, наверное, посчитали, что с плащами драться будет легче, вернулись, и количество участников увеличилось на одну десятую.

После всех приливов и отливов, суеты, глупых вопросов, ржания и язвительных комментариев, я, наконец, смог сформировать свою команду. Под моим началом оказалось пять человек.

К Лобанову пристало пятьдесят шесть участников. Фирсов вывел лишних с арены, заверив, что они будут заменять тех, кто, проиграв, выйдет из боя.

По правилам, которые объявил Фирсов, упавший на помост или сорвавшийся с помоста вниз считается выбывшим. Затем он пригласил участников.

Подъехал красный пожарный КАМАЗ и выдвинул лестницу вверх. Участники, один за другим, стали карабкаться по лестнице на помост.

Мы были в красных плащах, а наши противники нацепили на плечи синие плащи, лишь Фомин, Басов и Лобанов имели особое одеяние. Лобанов, – как командор, а Фомин и Басов, – как ветераны фехтования и помощники губернатора по делам спорта.

Грузный огромный Фомин кутался, как будто ему было холодно, в шикарный длинный бежевый плащ, изящный стройный Басов щеголял в короткой золотистой накидке, а хмурый, как туча, Лобанов нацепил на плечи белую материю, похожую на плащ крестоносца, на самом её видном месте красовался огромный алый крест, похожий на крест Ордена тамплиеров.

В рядах моих бойцов, в основном молодых людей, выделялся солидный огромный плечистый дядька. Хотя я не видел его лицо, оно, как у всех, было скрыто глухим шлемом и забралом, я мгновенно шестым чувством уловил не только возраст, но родную душу фехтовальщика. Интуитивно я почувствовал в нём мастера и втайне стал возлагать на него надежды.

Поверх синего плаща великан зачем-то нацепил пиратский флаг с черепом и скрещенными костями, белевшими на чёрном полотнище. Флаг плотно облегал шею странного бойца и ниспадал на плечи, однако синий плащ был виден из-под него.

Мгновенно заметив флаг на широченных плечах дядьки, публика одобрительно засвистела и с ходу окрестила его владельца Летучим Голландцем.

– Летучий Голландец, тысяча акул, брат, слушай, покажи Кторову, кто в доме хозяин!

Летучий Голландец отсалютовал рапирой, демонстрируя публике, что призыв из толпы, несколько грубоватый, но зато откровенный, услышан. Стадион осиным роем загудел в ответ на его салют.

Остальные члены моей команды были почти сплошь юнцы. Моя великолепная желторотая молодёжь бахвалилась и грозилась закидать своих противников, если не шлемами и шапками, то плевками, но я прекрасно знал цену пустого юношеского бахвальства. Осаждать молодёжь было бесполезно, да и некогда, я подыгрывал им, вставляя замечания по поводу внешнего вида и повадок наших врагов, чем сразу завоевал симпатию раззадорившихся от собственной лихости бойцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.